

Отец / новелла

Category: Некаýалар, Кітарсу

написано кітарсу | 23 января, 2025

Отец / новелла ОТЕЦ

Жан де Вальнуа – мой друг, и я время от времени навещаю его. Он живет в маленьком имении на берегу реки, в лесу. Он удалился туда после пятнадцати лет сумасбродной жизни в Париже. Ему вдруг надоели удовольствия, ужины, мужчины, женщины, карты, решительно все, и он поселился в поместье, где родился.

Двое или трое из нас изредка ездили к нему на две – три недели. Он, конечно, выражал большую радость, когда мы приезжали, но был в восторге, когда снова оставался один.

Итак, я поехал к нему на прошлой неделе, и он принял меня с распростертыми объятиями. Мы проводили время то вместе, то врозь. Днем он обыкновенно читал, а я работал, вечерами же мы болтали до полуночи.

И вот в прошлый вторник, после знойного дня, часов в девять вечера, мы сидели вдвоем, глядя на реку, протекавшую у наших ног, и обменивались весьма неясными мыслями о звездах, которые купались в струившейся воде и, казалось,плыли мимо нас. Мы обменивались какими-то туманными, смутными и коротким замечаниями, потому что наши мысли очень ограничены, слабы и бессильны. Я сетовал на одно из умирающих светил в Большой Медведице. Оно так потускнело, что его можно видеть лишь в ясные ночи. Стоит небу слегка затуманиться, и это угасающее светило уже исчезает. Мы думали о существах, населяющих эти миры, об их невиданных формах, об их непонятных для нас способностях, об их неведомых органах, о животных, о растениях, о всевозможных породах, о всевозможных царствах, о всевозможных веществах и организмах, каких человеческое воображение не в состоянии даже себе представить.

Вдруг до нас донесся издали голос:

– Сударь... Сударь...

Жан ответил:

– Я здесь, Батист.

Найдя нас, слуга сообщил:

– Пришла ваша цыганка, сударь.

Мой друг засмеялся, захохотал, как безумный, что с ним случалось редко, а затем спросил:

– Значит, сегодня девятнадцатое июля?

– Да, сударь.

– Отлично. Скажите ей, чтобы подождала. Дайте ей поужинать. Я приду через десять минут.

Когда слуга ушел, мой друг взял меня под руку.

– Пойдем потихоньку, я расскажу тебе одну историю, – сказал он.

– Семь лет тому назад, в год моего приезда сюда, я вышел однажды вечером прогуляться по лесу. Погода была такая же прекрасная, как сегодня, и я тихо брел под большими деревьями, глядя сквозь листву на звезды, вдыхая воздух полной грудью и упиваясь свежестью ночи и леса.

Я только что навсегда покинул Париж. Я был крайне утомлен и до отвращения пресыщен всяческими глупостями, низостями, всяческой грязью, – всем, что мне пришлось пережить и в чем я принимал участие в течение пятнадцати лет.

Я углубился далеко, очень далеко в лес, по тропинке, ведущей в деревню Крузиль, в пятнадцати километрах отсюда.

Внезапно мой пес Бок, огромный сенжермен, никогда не покидавший меня, остановился как вкопанный и зарычал. Я подумал, что мы наткнулись на лисицу, волка или кабана, и осторожно, на цыпочках, пошел вперед, стараясь не шуметь. Но вдруг я услышал крики, человеческие крики, жалобные, отчаянные, душераздирающие.

Несомненно, в зарослях кого-то убивали, и я бросился на крик, сжимая в правой руке толстую дубовую палку, настоящую палицу.

Я приближался к месту, откуда неслись стоны; они слышались теперь яснее, но как-то приглушенно. Казалось, они доносились из какого-то жилища, может быть, из хижины угольщика. Бок бежал вперед шага на три, то останавливаясь, то опять возвращаясь ко мне, странно возбужденный, все время рыча. Внезапно другая

собака, огромная, черная, с горящими глазами, преградила нам путь. Я отчетливо видел оскаленные белые клыки, сверкавшие в ее пасти.

Я бросился на нее с поднятой палкой, но Бок уже схватился с ней, и они покатались по земле, вцепившись друг другу в горло. Я пошел вперед и наткнулся на лошадь, лежавшую посреди дороги. Остановившись в удивлении, чтобы рассмотреть животное, я заметил повозку, или, вернее, дом на колесах, в каких обычно разъезжают по деревням во время ярмарок балаганные актеры и странствующие торговцы.

Крики неслись оттуда – ужасные, пронзительные крики. Так как дверь находилась на противоположном конце фургона, я обошел вокруг повозки и быстро взобрался на три деревянные ступеньки, готовясь броситься на преступника.

То, что я увидел, показалось мне таким странным, что сначала я ничего не понял. Какой-то мужчина стоял на коленях и, казалось, молился, а на кровати, в углу повозки, лежало что-то – некое полуголое существо, скрюченное в конвульсиях, лица которого я не видел и которое металось, билось и кричало.

Это была женщина, мучившаяся родами.

Как только я понял, чем вызваны эти вопли, я тотчас же заявил о своем присутствии, и обезумевший мужчина, видимо марселец, бросился ко мне, умоляя помочь ей, спасти ее и обещал в целом потоке слов бесконечную благодарность. Я никогда не видел родов, никогда не помогал в таких обстоятельствах ни одному существу женского пола – ни женщине, ни собаке, ни кошке, – в чем и признался ему чистосердечно, с ужасом глядя на несчастную, которая так безумно кричала на постели.

Затем, овладев собою, я спросил растерявшегося мужчину, почему он не едет в ближайшую деревню. Оказалось, лошадь его упала в канаву, сломала ногу и не может идти дальше.

– Хорошо, милейший, – сказал я, – сейчас нас двое, и мы можем отвезти вашу жену ко мне.

Грызня собак заставила нас выйти из фургона: животных пришлось разогнать ударами палок, рискуя убить их. Мне пришло в голову запрячь их – одну справа, другую слева – рядом с нами и заставить их помогать нам. Через десять минут все было готово,

и повозка медленно двинулась в путь, встряхивая на глубоких колеях несчастную женщину, у которой все разрывалось внутри. Что это был за путь, мой друг! Мы тянули, задыхаясь, кряхтя, все в поту, порою скользя и падая, а бедные собаки пыхтели у наших ног, как кузнечные мехи.

Понадобилось целых три часа, чтобы добраться до дома. Когда мы дотащились до двери, крики в фургоне прекратились. Мать и ребенок чувствовали себя хорошо.

Их уложили в хорошую постель, потом я послал за доктором, а марселец, успокоенный, утешенный и торжествующий, наелся тем временем до отвала и напился до бесчувствия, празднуя счастливое рождение ребенка.

Это была девочка.

Я оставил у себя людей на целую неделю. Мать, мадмуазель Эльмира, подвизавшаяся на ампула ясновидящей, предсказала мне бесконечно долгую жизнь и безграничное счастье.

На следующий год, день в день, с наступлением вечера слуга, который только что приходил за мной, явился после обеда в курительную комнату и сказал:

– Пришла прошлогодняя цыганка, сударь, поблагодарить вас.

Я велел ввести ее и был поражен, увидев рядом с ней огромного малого – белокурого и толстого северянина, который поклонился мне и заговорил в качестве главы семейства. Он узнал, как я был добр к мадмуазель Эльмире, и не хотел упустить случая принести мне их общую благодарность и выразить признательность в годовщину происшествия.

Я предложил им поужинать на кухне и переночевать. На другое утро они ушли.

И вот бедная женщина является ежегодно в один и тот же день с ребенком, чудесной девочкой, и каждый раз с новым... повелителем. Из них только один, какой-то овернец, благодарил меня два года подряд. Девочка всех их зовет «папа», как мы говорим «сударь».

Мы дошли до дому и едва различили у крыльца три тени, которые, стоя, нас дожидались.

Самая высокая сделала несколько шагов вперед и, низко поклонившись, сказала:

– Господин граф, мы пришли сегодня, знаете, чтобы выразить вам нашу благодарность...

Это был бельгиец!

После него заговорила самая маленькая тем заученным и деланным голосом, каким дети обычно приносят поздравления.

С невинным видом я отвел в сторону мадам Эльмиру и, обменявшись с нею несколькими словами, спросил:

– Это отец ребенка?

– О, нет, сударь.

– А отец разве умер?

– О, нет, сударь. Мы с ним видимся иногда. Он жандарм.

– Как? Так это не тот марселец, первый, что был при родах?

– А, нет, сударь. Тот был негодяй, он украл мои сбережения.

– А жандарм, настоящий отец, знает своего ребенка?

– О, да, сударь, он ее даже очень любит. Но он не может заботиться о ней, потому что у него есть другие дети, от жены.

* * *

Ги де Мопассан. Собрание сочинений в 10 тт. Том 3. МП «Аурика», 1994

Перевод С. Иванчиной-Писаревой. Neкаýalar